

Борис Васильев

Встречный бой

*Часть сборника
В списках не значился (сборник)*

Борис Львович Васильев

Встречный бой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137160

*А зори здесь тихие...: повести / Борис Васильев: АСТ, Астрель; Москва;
2010*

ISBN 978-5-17-063439-2, 978-5-271-26016-2

Аннотация

«Рассвет в горах наступал медленно. Длинные тени ползли по долинам, нехотя отрываясь от земли, туман плотно окутывал кусты, а поверх стлался синий пороховой дым, почти не тающий в холодном воздухе.

Генерал смотрел в стереотрубу до рези в глазах. В искусственном, многократно отраженном и преломленном мире оптики все казалось плоскостным, неестественным, а радужная пленка, занимавшая восточную часть зоны обзора, раздражала ярмарочными красками...»

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

4
17

Борис Васильев

Встречный бой

1

Рассвет в горах наступал медленно. Длинные тени ползли по долинам, нехотя отрываясь от земли, туман плотно окутывал кусты, а поверх стлался синий пороховой дым, почти не тающий в холодном воздухе.

Генерал смотрел в стереотрубу до рези в глазах. В искусственном, многократно отраженном и преломленном мире оптики все казалось плоскостным, неестественным, а радужная пленка, занимавшая восточную часть зоны обзора, раздражала ярмарочными красками.

– Не вижу! – сердито сказал он. – Выбрали энпе, нечего сказать! Где танки Колымасова?

– Левее моста, товарищ генерал, – негромко пояснил маленький капитан-разведчик, оборудовавший для комкора этот наблюдательный пункт.

Генерал оторвался от окуляров, поправил сбитую на затылок фуражку.

– Выдвинуть вперед, – сказал он. – Так, чтобы я моторы слышал. Струсил под занавес, разведчики? – Он насмешливо посмотрел на капитана покрасневшими от бессонницы

глазами и легко прыгнул на бруствер. – Связь, не отставать!..

Генерал шагал туда, где глухо гремел бой, прикрытый тугими клубами сизо-серой смеси дыма и тумана. Он шел в рост, не пригибаясь от случайных снарядов, сунув руки в карманы ватника и поеживаясь. За ним неслышно скользили адъютант и два автоматчика.

Было прохладно, и стволы автоматов покрылись мельчайшими капельками росы. Солнце никак не могло перевалить через горы, в низине было еще по-ночному сумрачно, и только высоко в редких прогалинах тумана угадывалось светлеющее небо.

– Три семнадцать, – сказал генерал, взглянув на часы. – Поздно здесь светает.

Генерала обогнали сначала разведчики во главе с капитаном, а потом и связисты, тащившие катушки и дублирующую рацию.

– Чтоб связь работала! – крикнул вдогонку генерал.

– Так точно, товарищ генерал! – автоматически отозвался лейтенант-связист и побежал, по временам пригибаясь и удобнее укладывая провод.

Разведчиков было шестеро – в ватниках, подпоясанных ремнями, с автоматами за плечом, ножами и гранатами на поясе. Шестеро молчаливых, привыкших общаться скорее знаками, чем словами, прошедших войну солдат. Они одинаково бесшумно, чуть пригнувшись, шли след в след за капитаном, и по профессионально легкой, неторопливой и рас-

четливой походке их можно было принять за пехотинцев, если бы не традиционные черные шлемы, которые в танковых войсках носили все, даже тыловики, ремонтники и связисты.

– Не вышло, – усмехнулся рыжеватый молодой разведчик, когда они обогнали генерала. – Разве его обманешь?

– А бой-то, по всему видать, последний, – вздохнул рослый сержант, тащивший стереотрубу. – Ковырнет какая-нибудь дура случайная – обидно...

Они говорили не о себе. Они говорили о генерале – командире их танкового корпуса. Он разгадал наивную хитрость, с помощью которой они надеялись обезопасить его в эти последние часы войны. Сказать, что они любили его, как любят солдаты смелых и удачливых командиров, значило бы сказать мало и обычно, потому что они не просто любили – они гордились им, как гордятся братья самым талантливым и счастливым в семье. Гордились перед солдатами других корпусов, перед знакомыми и незнакомыми офицерами и генералами, гордились перед семьями, и военная цензура подчас вставала в тупик, натываясь в солдатских письмах на восторженные фразы о *нашем*. Его называли так в разговорах: «наш сказал», «наш приказал», «наш велел». Называли все – и солдаты, и офицеры, – и никто не знал, когда зародилось это теплое, почти семейное отношение к командиру корпуса. А «наш» был нисколько не мягче, не добрее, не сердечнее любого командира. Скорее наоборот: он был суровее многих, не терпел противоречий, а в бою проявлял порой

граничащую с жестокостью непреклонность. Он никогда не сбивался на солдатские шуточки, бытовавшие в разговорах многих генералов, был замкнут, и мало кто в корпусе мог похвастаться, что видел улыбку на его лице.

Он был храбр, но удачлив, резок, но демократичен, суров, но справедлив. Все эти качества встречались у многих военачальников, но «наш» генерал имел еще одну и, вероятно, решающую особенность: в августе этого года ему исполнилось тридцать лет...

– Мелешко, ты с него глаз не спускай, – сказал маленький капитан, устанавливая стереотрубу на чердаке разбитой водонапорной башни – единственного уцелевшего строения некогда обширного фольварка.

Сержант, тащивший стереотрубу, молча кивнул. Приказ этот означал, что отныне ему в обязанность вменяется прикрыть генерала телом, если в этом возникнет необходимость, но разведчик только заботливо обтер рукавом ватника автоматный ствол и ушел встречать подопечного.

Генерал шагал быстро, но неторопливо: часто останавливался, наблюдал за боем, в который втягивались подходящие части, рассылал связных по участкам. Он знал, что наблюдательный пункт надо не только найти, но и оборудовать, и заранее давал своим людям на это время, чтобы они не нервничали, видя торчащего над душой командира.

Связисты быстро готовили связь. Временами лейтенант включался в провод, проверяя, не перебило ли его осколком,

говорил несколько зашифрованных слов и снова смыкал цепь, следуя за своими телефонистами.

– Товарищ генерал!.. – вдруг непривычно громко крикнул он, стоя на одном колене и протягивая трубку. – Товарищ генерал, вас!

Генерал с удивлением посмотрел на его сияющее, счастливое и одновременно растерянное лицо и взял трубку:

– Ну?.. Так...

Лицо его на мгновение дрогнуло, но он тотчас же придал ему прежнее замкнутое выражение и только щелчком сбил на затылок фуражку. Молоденький лейтенант с мокрым то ли от росы, то ли от слез лицом, восторженно улыбаясь, смотрел на него, словно ожидая увидеть что-то очень необыкновенное, и генерал, поймав этот взгляд, чуть сдвинул брови и положил руку на плечо лейтенанту.

– Понятно, – сухо и деловито говорил он в трубку. – Бой развивается нормально. Прошу пока не сообщать. Да. Нас это не касается.

Он отдал лейтенанту трубку, серьезно и чуть печально посмотрел в его счастливые глаза и тихо сказал:

– Молчать, лейтенант. Молчать до самого конца. И связистам своим закажи. Понял меня?

– Понял, – кивнул лейтенант. Губы его вдруг дрогнули, и он шепотом добавил: – Поздравляю вас.

– И тебя тоже, – сказал генерал и пошел.

К тому времени, когда солнце, с трудом разогнав туман,

прорвалось наконец в низины, бой затих. Немцы прекратили попытки с хода прорваться к перевалам и то ли перегруппировывались, то ли чего-то ждали, изредка вслепую осыпая минами перепаханные танками склоны. Наши молчали.

К наблюдательному пункту подтянулся штаб, появились люди. Все были в странно возбужденном состоянии, словно в воздухе носилось что-то невысказанное, но уже известное каждому, о чем почему-то до времени принято было молчать. И все с удовольствием и почти весело играли в эту молчанку, но слаженный механизм гигантской военной машины вдруг где-то нарушился, и хотя люди привычно делали привычное дело, все сегодня выглядело не так: не так ходили, не так отдавали команды, не так ждали, курили, разговаривали.

В низине под наблюдательным пунктом расположился узел связи: три огромные автомашины, опутанные проводами и антеннами. Девушки-радистки сновали вокруг этих машин, и солдаты, рывшие укрытия по гребню, часто прерывали работу и долго, опершись о лопаты, смотрели вниз, на девушек, и во взглядах их было что-то новое, уже мирное.

Возле водонапорной башни мыкался младший лейтенант. Он с курсантской торопливостью тянулся перед каждым офицером и все пытался доложить, что прибыл «для прохождения дальнейшей службы», но командирам было не до него, и он, вздохнув, уходил в сторону. Он очень хотел повоевать и тоже понимал, что этот бой – последний, и радовался, и ужасался, что не успеет отличиться, и боялся погибнуть за

полчаса до конца войны. Это двойственное чувство жило в нем постоянно: решившись, он обретал вдруг настойчивость и подскакивал к кому-нибудь из начальства, собираясь потребовать немедленного назначения, но тут же скисал, мямлил что-то невразумительное и сразу же отходил, втайне радуясь, что его никуда не послали.

В пять на «виллисе» приехал полковник Сергей Иванович Ларцев – замполит командира корпуса. Он был грузен, добродушен и, с солдатской точки зрения, весьма стар, и поэтому командир корпуса во всех случаях обращался к нему только по имени и отчеству, позволяя себе откровенно нарушать устав. Увидев замполита, он тут же спустился к подножию башни.

– Немцы отклонили ультиматум, – негромко сказал полковник. – В одном месте обстреляли парламентаров.

– Ну и черт с ними, – резко отозвался генерал. – Упрашивать остаться в живых не собираюсь. Передайте Колымасову: в пять сорок атака. И пока не возьмет мост, пусть на глаза не показывается.

– Людей жалко, – вздохнул Сергей Иванович.

– Может, пропустим фрицев к американцам?

Полковник промолчал. Генерал покосился на него, сказал мягко:

– Мне, Сергей Иванович, тоже людей жалко. И не только этих, – он кивнул на разведчиков, сидевших на корточках у стены, – но и тех, кого та сволочь лет через двадцать в бой

пошлет. Вот так. Готовьте атаку. И... – он твердо посмотрел в добрые, в стариковских морщинках глаза, – помните: для нас она еще не кончилась...

– Товарищ генерал!.. Товарищ генерал!

Ликующий женский крик заглушил грохот выстрелов, вой мин, далекий рев танков – он заглушил все, самую войну.

– Товарищ генерал!

Снизу, от узла связи, изо всех сил бежала девушка в гимнастерке, перетянутой ремнем, в узкой защитной юбке, в тяжелых кирзовых сапогах, смешно и трогательно хлюпающих на стройных ногах. Берета на ней не было, и черные волосы метались вокруг головы. Она, задыхаясь, лезла по крутому откосу, счастливая, восторженная, светлая. Торопясь обрадовать людей, она забыла обо всем на свете и, всегда обычно осторожная и скромная, сейчас совсем по-детски подпернула узкую юбку, бесстыдно сверкая голубой каймой стандартных армейских штанишек.

– Товарищ генерал!..

Он понял, что означает этот звонкий, ликующий крик. Понял и бросился к ней, оглушительно заорав:

– Молчать!..

От грозного окрика девушка споткнулась, упала, не отрывая глаз от подбегавшего генерала.

– Товарищ...

– Молчать!.. – второй раз рывкнул он и, запыхавшись от бега, остановился над нею.

Сзади него тут же выросла фигура разведчика. Девушка снизу вверх посмотрела на них, все еще продолжая улыбаться.

– Мир!..

– Нет, – твердо сказал он и опустился рядом с нею на колени. – Нет мира, ефрейтор. Бой идет. После боя мир будет. Поняла?

– Поняла. – Она послушно покивала, улыбаясь. Слезы текли по ее щекам, и она совсем не по-ефрейторски шмыгала носом. – Мир, товарищ генерал. Война кончилась.

Генерал глядел на ее счастливое, зареванное лицо, и острая боль на мгновение сжала сердце. Он опустил голову, наткнулся глазами на круглое, перепачканное землей колено и сразу же поднялся.

– Встать, – негромко скомандовал он, и девушка, поспешно одернув юбку, тотчас же вскочила и опустила руки по швам. – Вытрите слезы.

Она машинально пошарила по поясу, по обшлагам гимнастерки и, виновато улыбнувшись, стала вытирать лицо ладонями. Генерал достал платок, стесняясь, сунул ей в руку.

– Идите к себе и не выходите. И всем скажите, чтобы носа не смели показывать. И никому ни слова. Идите.

– Есть, – шепотом сказала она и пошла вниз, зажав в руке скомканный генеральский платок.

Многие видели эту встречу, слышали крик, но никто не знал, о чем говорил генерал с радисткой. Знал только рос-

лый разведчик Мелешко, которому капитан приказал охранять генерала, но он молчал, понимая, что в бою не следует делиться такой новостью.

– Хороши ножки, – заметил рыжеватый разведчик и вздохнул. – На такие бы ножки да классные туфельки.

– Нашему Феде Гонтарю абы ножки, – усмехнулся другой разведчик. – А вот чего она бежала...

– Нет, точно: классная девка, – опять начал Федор. – Главное – дичок. Полгода воюет, а никто в корпусе и похвастать не может, что в руках подержал.

– Один, кажется, пробовал, – скупно улыбнулся капитан. – Пробовал, а потом неделю рожу у санинструктора чинил.

Разведчики засмеялись.

– Я еще не пробовал, – сказал Федор. – Это так, разведка боем.

Грохот заглушил его слова: немцы начали энергичный и бессистемный обстрел. Солдаты попрятались в наспех отрытые щели. Прятались они с шутками, уже не испытывая ни страха, ни даже привычного нервного напряжения.

– Пугает фриц напоследок.

– Боекомплект расходует, чтоб драпать легче было!

– Ну, паразит, я тебе эту мину попомню!..

– Сейчас полезут, – сказал генерал и, не обращая внимания на мины, пошел к водонапорной башне.

Мелешко шагал след в след, почти наступая на пятки. Генерал рассердился:

– Что ходишь как тень? Влепит в спину на прощание...

– У вас свой приказ, а у меня – свой, – ворчливо отозвался разведчик.

По шаткой лестнице они поднялись наверх. Башня гудела от разрывов. Генерал приник к стереотрубе, произнес, не оглядываясь:

– Петя, на прямой – в третью бригаду. Скажи, чтоб перестроились уступом справа. И чтоб Голубничий не зарывался!

– Есть, – сказал молодой и очень молчаливый адъютант.

Он загрохотал сапогами по лестнице. Навстречу, пыхтя, поднимался полковник Ларцев:

– Куда, орел?

– В третью.

– Передай, что персональное дело Вовченко слушать сегодня не будем в связи с... – Он спохватился, посмотрел на адъютанта. – В общем, переносится.

– Понятно! – сбегая вниз, крикнул Петя. – В связи с тем самым!..

Полковник, отдуваясь, взобрался наверх. Налет кончился, и сразу стал слышен далекий гул танковых моторов.

– Пошли, – сказал генерал. – К перевалу рвутся, черти. Передай Филину, чтоб обороняться и не думал. Пусть наступает левым крылом по лощине.

– Есть, – ответил лейтенант-связист, лично обслуживающий генеральскую рацию. – «Герань», я – «Ландыш», я – «Ландыш»...

– Надоел мне этот цветочный флирт, – вздохнул полковник. – В жизни столько цветов не видел, сколько за войну наслышался. И откуда у связистов такая склонность?

– Ботаники все, – проворчал генерал, не отрываясь от окуляров трубы. – Нахально лезут немцы, очень нахально. Скажите Колымасову, чтоб начинал атаку на мост.

– А не рано? – осторожно спросил полковник.

– Чего тянуть? И так последними остались. Лейтенант вновь припал к своей рации, вызывая далекого Колымасова: – «Лютик», «Лютик», я – «Ландыш»...

Слева – совсем рядом – ударили выстрелы. Капитан бросился к пролому, выглянул: стреляли в лесу, метрах в трехстах от башни.

– Что там еще? – недовольно спросил генерал.

– В лесу-то? – не оглядываясь, переспросил капитан. – В лесу минометчики наши стоят.

– Может, немцы просочились? – предположил Ларцев.

– Пошлите кого-нибудь узнать, – нетерпеливо сказал генерал: Колымасов уже начал атаку, и все внимание генерала занимал теперь мост.

Капитан молча спустился вниз. У входа в башню стоял младший лейтенант: его опять обуял страх, что он не успеет выстрелить в этой войне.

– Товарищ капитан, разрешите...

– Возьмите отделение и проверьте, что за стрельба в лесу.

– Есть! – радостно крикнул лейтенантик и, путаясь в ши-

нели, побежал к щелям, на бегу вытаскивая из кобуры тяжелый «ТТ». – Отделение, за мной!..

Он бежал через поле, спотыкаясь и шарахаясь от случайных снарядов. Солдаты вразброд бежали следом, и в беге их было что-то усталое и равнодушное: так спешат на скучную, осточертевшую, но, увы, необходимую работу.

А стрельба в лесу продолжалась. Тренированное ухо уловило бы в этой стрельбе целую гамму звуков: гулкие винтовочные выстрелы, злую автоматную очередь, сухой и короткий треск пистолетов. Но для мальчика-командира все выстрелы звучали одинаково и говорили только об опасности, и снова – в который раз! – страх погибнуть в последние мгновения войны зашевелился в нем, и, чтобы заглушить его, мальчик вдруг тоненько и одиноко закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.